

условия оказали влияние на характер жителей Полесья – они отличались упорством, консерватизмом, пассивностью и ленью. Полешуков совсем не интересовало то, что не касалось их деревни. Городское население, которое составляло 17 % жителей воеводства, не требовало просвещения или какого-либо прогресса [4, с. 102].

Таким образом, Полесское воеводство в 1921–1939 гг. являлось самой отсталой в области культуры и экономически неразвитой административно-территориальной единицей в составе Второй Речи Посполитой, ярким свидетельством чего служит отсутствие в этот период у большей части полешуков национального самосознания.

Список литературы

1. Мазько, Э. Палессе ў канцэпцыях беларускіх палітычных партый Заходняй Беларусі / Э. Мазько // Загароддзе-3: матэрыялы навукова-клясычнай канферэнцыі «Палессе ў XX стагоддзі», 1-4 чэрвеня 2000 г., Беласток. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – С. 149–151.
2. Палескае ваяводства / Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 тамах. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1999. – Т. 5. – С. 384.
3. Смолярчык, А. Полесское воеводство в общественной, культурной и религиозных структурах Второй Речи Посполитой / А. Смолярчык // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі: зборнік кафедра сацыяльна-гуманітарных навук. Выпуск 1. – Брэст: БрДТУ, 2004. – С. 103–111.
4. Томчонек, С. Полесское воеводство 1918–1939 гг. (избранные проблемы) / С. Томчонек // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі: зборнік кафедра сацыяльна-гуманітарных навук. Выпуск 1. – Брэст: БрДТУ, 2004. – С. 99–103.
5. Хвірысюк, В. Палескае ваяводства ў 1920–1925 гг.: міжнацыянальныя дачыненні і палітычнае становішча / В. Хвірысюк // Загароддзе-2: матэрыялы навукова-клясычнай канферэнцыі «Палессе – скрыжаванне культур і часу», 25–27 верасня 1999 г., Пінск. – Мінск: Тэхналогія, 2000. – С. 25–27.
6. Lubachko, I.S. Belorussia under Soviet rule. 1917-1957 / I.S. Lubachko // Lexington: The University press of Kentucky, 1972. – 220 p.

Polesian Voivodeship as the part of II Rzesz Pospolita in 1921-1939 was the biggest and the lowest developed part of the state. National feelings of the most part of the Polesian population were shown poorly so it is very difficult to define the national structure of the Polesie in 1921–1939.

Key words: Polesian Voivodeship, II Rzesz Pospolita, povet, polonisation, «local».

УДК 87.3(2)

В.Н. Яхно, доцент, зав. кафедрой философии и социологии ГГТУ (г. Гомель)

О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

В статье рассматриваются воззрения представителей философии евразийства на проблему национально-культурной самобытности России. Показывается разнообразие подхода евразийских мыслителей к пониманию проблемы «Запад – Восток», теорий личности и общества, будущих судеб России.

Ключевые слова: русское послеоктябрьское зарубежье, евразийство, проблема «Запад-Восток», соборность, национально-культурная самобытность.

Евразийство – оригинальная историософская концепция, предложившая новый вариант понимания прошлого и будущего русской национально-государственной проблемы. Как самостоятельное философское и общественно-политическое направление, евразийство оформилось в двадцатые годы XX века в Софии. Новое учение русского послеоктябрьского зарубежья сохранило свое влияние и в настоящее время. Авторами и инициаторами этого движения стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, К.А. Чхеидзе, Н.Н. Алексеев и др. В разработке теории приняли участие и многие другие видные философы, лингвисты, этнографы, историки и богословы (Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др.). Название течения было предложено П.Н. Савицким и связано со стремлением евразийцев объяснить историческое и культурное своеобразие, особый путь России из особенностей ее «местоположения» и «месторазвития». Деление на Запад-Европу и Восток-Азию не удовлетворяло евразийцев, так как у Запада есть свой Восток, а у Востока – свой Юг, Запад и Восток. Естественным является деление на Европу, Азию и Евразию. «Европа» в новом понимании – это океаническая и со сложным рельефом Западная Европа. Азия – это Юг и Восток Азии: Индия, Китай, Восточная Сибирь и т.д. «Евразия» – это континентальная равнинная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины. «Россия занимает основное пространство земель «Евразия», – тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк – имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям «Европа» и «Азия» также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное – круг «европейских» и «азиатско-азиатских» культур, обозначение «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики» [1, с. 31]. В Евразии славянские народы смешались с народами «урало-алтайской» группы, иначе с туранскими народами: угро-финнами, тюрками и монголами. Русские – не европейцы и не азиаты, а евразийцы; славяне ближе к Востоку, нежели к Западу, а славянская культура имеет и восточные корни, – утверждал Трубецкой [2, с. 739–740]. Всех участников евразийского движения объединяла серьезная критика западного европеизма. Идею европейского превосходства, заимствованную у Древнего Рима, евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный источник кризисов XX века. Самоуверенность европейцев настолько сильна, что распространилась на многие другие, неевропейские народы. Образованные слои этих народов стали оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам, что вызвало у них комплекс неполноценности, писал Трубецкой в своей книге «Европа и человечество»: осознание собственной отсталости побуждает неевропейцев перепрыгивать необходимые ступени развития, пожирает все их силы и еще больше отчуждает от собственных традиций [3, с. 150]. В ответ евразийцы создают новое мировоззрение, новый взгляд на русскую и мировую историю, очень близкие славянофильскому мессианству и направленные против романо-германизации России. В поисках национально-культурной самобытности России они, как и славянофилы, развивают концепцию соборности. Исторические судьбы проблемы соборности противоречивы. Так, соборность славянофилов – единство, основанное на божественной праведности. Она, согласно А.С. Хомякову, выражает идею «единства во множестве», держится не общностью интересов, но связью духовной и нравственной, ее главные атрибуты – свобода, органичность,

согласие, благодать и любовь [4, с. 62]. Далее происходит некоторая «социологизация» понятия: у К.С. Аксакова соборность фактически отождествляется с общиной, в которой «личность свободна, как в хоре». Позднее понятие соборности все более политизируется, эволюционируя в направлении панславизма. Соборность в евразийской интерпретации вбирает в себя не только славянофильские идеи, но и социально-философские аспекты «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. Соборность получает более широкий смысл, она «преодолевает» ограниченность церковной общины и понимается как будущая совершенная форма человеческой общности. Следует отметить, что возможно практическим приложением постулатов федоровской «Философии общего дела» было желание придать евразийскому движению не узконациональный, а «вселенский» характер.

Самобытность истории и культуры, а, следовательно, поиск самоидентификации народов Российской империи евразийцы связывали, как уже отмечалось, с «месторазвитием» страны. Поэтому они рассматривают Россию-Евразию как основу хозяйственной и политической жизни населяющих ее народов. Россия-Евразия – это особый этнографический мир, занимающий срединное пространство Европы и Азии, приблизительно очерчиваемое тремя равнинами – Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской. Евразия – это неповторимые географические, климатические особенности, животный и растительный миры. Следовательно, Евразия – это «местоположение» исключительной русско-евразийской культуры, область взаимовлияния разнообразных природных и социальных связей. Как следствие, евразийцы резко выступают против национального обособления и сепаратизма отдельных народов бывшей царской России. Опираясь на геосоциологические взгляды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и Н.Я. Данилевского, они выводят из пространственно-территориальной общности России-Евразии единство и исключительность исторического пути населяющих ее народов, близость их культур, этнопсихологического типа, религиозных взглядов, чувств, языков и прочных политических связей. Так, единство и особенность самобытного этнопсихологического типа евразийских народов, по мнению публициста и философа К.А. Чхеидзе, ведет к соответствию между формой хозяйства и его социальным содержанием. «...Чтобы жить и трудиться во всей полноте, несомненности и благословенности, каждый русский (и вообще евразиец) должен верить и знать, ради чего он трудится и живет. Момент целеположности, осмысленности и оправданности жизни и труда составляет самую интимную и самую важную часть в организации нашего трудопорядка. Предреволюционные государственные деятели выветрили эту возвышенную особенность из своих умов, за что их самих сдуло суровым ветром революции...» [5, с. 108]. А в статье «Лига наций и государства-материки», обращаясь к проблемам геополитики, он заговорил о быстро нарастающем процессе объединения наций, интеграции отдельных государств в «государства-материки», в целостные миры со своими историческими и культурными задачами, причем помимо уже существующих паневропейского, панамериканского, паневразийского миров выделял потенциальные паназиатский и панисламистский миры, которым еще предстоит проявить себя на арене истории в соперничестве с тремя другими, пока определяющими политическую погоду мирами [6, с. 153].

Увлечение евразийцев идеями культурно-исторических типов объясняет особенность понимания русской религиозной мысли. Акцентируя идею нацио-

нально-культурной самобытности, идеологи первоначального евразийства и саму религию начинали рассматривать как свойство того или иного культурно-исторического типа, поэтому православие как основа бытия России-Евразии фактически сводилось к сущности народности. Такое православие фактически уравнивалось в правах с другими религиозными верованиями, каждое из которых также было атрибутом того или иного большого или малого этноса.

В рамках поиска национальной идентичности важное место принадлежит и положениям евразийской персонологии. Так, у Н.С. Трубецкого живую индивидуальность можно понять лишь через почву, на которой она произрастала, через закономерности ее развития. Общество же – это социальный организм, постоянно уподобляемый «национальному организму». У него нет индивидов, существуют лишь части социального организма, «социально-культурного организма», «национального организма» – эти термины для него тождественны. За термином «коллективные сущности» у Трубецкого никогда не стоят общества, но всегда – народы, нации, племена. Основоположная категория для него – целостность. Так, народ – это «психологическое целое, известная коллективная личность», «социальное целое», «социокультурный организм». «Целое» и «организм» во всех этих текстах – синонимы, вещи взаимозаменяемые, иногда с добавлением прилагательного «природный». Целое нередко видится как единство: так, «национальное целое» означает и «национальное единство». Следовательно, Евразия – это нация, состоящая из сущностей меньшего масштаба – народов или «племенных единств», которые в свою очередь подразделяются на еще меньшие единства. Принадлежность индивида к коллективной сущности – для Трубецкого переменная величина, как и принадлежность народа к общей совокупности культур [1, с. 32]. Кроме Трубецкого, одним из наиболее последовательных евразийских теоретиков идеи «симфонической личности» был Л.П. Карсавин. Мир рассматривается Карсавиным в качестве «симфонической всеединой личности» или как иерархическое единство множества «симфонических личностей» разного порядка, а в них и личностей индивидуальных. «Симфоническая личность» в системе мыслителя – социальная личность. К таким личностям он относит народ, культуру, человечество и т.д., каждая из них является всеединством [7, с. 104–105].

Популярность евразийского мировоззрения была чрезвычайной – это объяснялось тем, что теория не только объясняла прошлую историю, но и указывала исторические перспективы. Евразийцы жили чувством, что пришел к концу какой-то исторический цикл и начался новый. Так, исход революции и гражданской войны они рассматривают как компромисс между большевиками и русским народом. Народ принял единовластие, а большевики в значительной степени отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации. Из двух сил, совершивших революцию, русский народ возобладал, это он навязал свою волю большевикам, а не наоборот. В сборнике «Евразийство» авторы утверждают: русский народ использовал большевизм, чтобы сохранить территориальную целостность России и возродить ее политическую мощь [8, с. 110]. А когда в начале тридцатых годов в СССР развернулась индустриализация и коллективизация, евразийцы были очарованы масштабом этих преобразований, характеризуя их как триумф централизованной плановой экономики, пришедшей на смену хаотичному ведению хозяйства. По мнению Савицкого, это означало конец подражания Западу и было

Л.И. Лукьянова, профессор кафедры гуманитарных наук ГГМУ (г. Гродно)

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Рассматривается процесс межкультурной коммуникации в контексте культурных традиций Востока и Запада, подчёркивается необходимость понимания уникальности культур различных народов. Описываются отдельные культурные традиции, выступающие важнейшими условиями коммуникации. Выявляются качественные изменения межкультурной коммуникации в условиях глобализации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативное действие, культурный этноцентризм, коммуникативный человек, герменевтичность культуры.

Один из основоположников философии экзистенциализма немецкий философ Карл Ясперс подчёркивал, что всё, что есть в человеке и что есть для человека, отражается в коммуникации и вне коммуникации невозможна человеческая свобода. «Я один, – писал он, – не есть самость для себя, но становлюсь таковой во взаимодействии с другой самостью» [1, с. 621].

Понятие коммуникации имеет много определений. Приведём некоторые из них. Коммуникация – это передача информации, идей, оценок или эмоций от одного человека (или группы) к другому (или другим), главным образом посредством символов» [2, с. 96].

«Под коммуникацией, – пишет другой исследователь теории коммуникации, – мы будем понимать процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы. Исторически коммуникацией было именно это: принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существует переход от говорения одного к действиям другого» [3, с. 14].

Под межкультурной коммуникацией в широком смысле слова понимают акт общения, взаимодействие между двумя или более индивидами (или группами), основанное на взаимопонимании различных культур. Понятие коммуникации существует на двух уровнях – на уровне обыденного и на уровне научного представления об этом феномене. Выражением обыденного уровня является, например, понятие «коммуникативный человек». На научном уровне таким понятием является «коммуникативное действие», которое включает основные три формы – подражание, диалог и управление.

В конце XX века в мировом развитии происходили важные процессы, оказавшие существенное влияние на практику мирового коммуникативного обмена. Значительная часть населения планеты оказалась включенной в новую информационную реальность, которая характеризуется существенно расширившимся доступом к разнообразным знаниям и сведениям через компьютерную сеть. Ответом на изменившуюся ситуацию стала известная концепция культурного империализма, когда такие западные культурные ценности (прежде всего американские), как потребление и индивидуализм, заменяли ценности традиционной культуры незападных стран, неизбежно ведущих к культурной зависимости последних. Так возникло понятие «культурное сопротивление», подчёркивающее, что процесс потребления западных культурных образцов имеет сложный и отнюдь не односторонний

свидетельством возникновения новой общественно-экономической модели, которая в перспективе завоюет Запад. Следует заметить, что в некоторых вопросах евразийцы сближались с большевиками, многие из них не скрывали своих симпатий к большевистской партии, надеясь на ее евразийское перерождение. Однако, в конце концов, и коммунизм уйдет в прошлое, полагают они. Поэтому путь России через покаяние и самопознание к реализации своей собственной сущности, самобытной судьбы [9, с. 81]. Серьезные приверженцы евразийских идей были и в СССР. Самый известный сторонник этого мировоззрения – Л.Н. Гумилев. Он принимал основные историко-методологические выводы евразийцев. Для России, утверждал он, нет иной возможности, как «быть... собой», то есть наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения, чем в Европе. Таким образом, Россия, являясь открытой для достижений мировой цивилизации, «будет спасена только через евразийство» [10, с. 138].

В заключение следует отметить, что евразийские идеи активно используются и в настоящее время современными политиками, например, России и Казахстана. Так, в России существуют Евразийская партия во главе с А.В. Ниязовым и партия «Евразия» во главе с А.Г. Дугиным, Общество сторонников учения Льва Гумилева и ряд других организаций.

Список литературы

1. Жданова, Г.В. Проблема общества и коммуникации в учении евразийства / Г.В. Жданова // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 30–38.
2. Трубецкой, Н. О туранском элементе в русской культуре / Н. Трубецкой // Русский мир: сборник. – М.–СПб., 2003.
3. Пашенко, В.Я. «Европа и человечество» – работа Н.С. Трубецкого / В.Я. Пашенко // Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. – М., 1995.
4. Хомяков, А.С. О старом и новом / А.С. Хомяков // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. – М., 2002.
5. Макаров, В.Г. «Рах rossica». История евразийского движения и судьбы евразийцев / В.Г. Макаров // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 102–117.
6. Гачева, А.Г. Неизвестные страницы евразийства конца 1920–1930-х годов. К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» / А.Г. Гачева // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 147–167.
7. Карсавин, Л.П. Евразийская идея в материалистической оболочке / Л.П. Карсавин // Философские науки. – 2004. – № 10. – С. 93–106.
8. Люкс, Л. Евразийство / Л. Люкс // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 105–114.
9. Хоружий, С.С. Карсавин, евразийство и ВКП / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 78–87.
10. Предсмертное интервью Л.Н. Гумилева // Социум. – 1992. – № 5. – С. 136–140.

In this paper are considered the views of the representatives of Russian Euroasianism philosophy on National and Cultural originality Problem. The author defines the basic aspects of the West- East Problem, the Theory of Personality and Society and the destiny of Russia.

Key words: The Russian post-October abroad, Euroasianism, West-East problem, sobornost, National and Cultural originality.